

Г. Г. ЛИТАВРИН

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В ВИЗАНТИИ X — XI ВВ.

Византийская империя — единственное государство в Европе эпохи раннего средневековья, в котором детально разработанные нормы классического права частной собственности подданных были одним из столпов всего официального правопорядка в обществе.

Византийская империя, кроме того, — единственная страна европейского средневековья, в монархическом строе которой сохранились черты древних азиатских деспотий, где подданные лишь постольку и до тех пор обладали собственностью, поскольку и пока это было угодно деспоту, своеобразной собственностью которого они были сами.

Естественно поэтому, что без изучения судеб этого антагонистического единства, без глубокого осмысления эволюции столь противоречивых тенденций историческая наука не может достаточно полно осветить ход социально-экономического и общественно-политического развития Византийского государства.

Мы не намерены здесь поднимать заново столь всесторонне дискутировавшуюся проблему «азиатского способа производства» или «азиатских форм феодализма» — мы остановимся лишь на одном вопросе, который далеко не идентичен указанной проблеме, но составляет один из ее важных элементов: на вопросе о государственной собственности в Византии.

Нет необходимости излагать здесь и весь ход связанной с этим вопросом дискуссии в советском византиноведении о первых этапах развития феодальных производственных отношений в Византии — последовательно и детально эта дискуссия изложена в книге З. В. Удальцовой¹.

Упомянутая дискуссия в советской литературе касалась форм и этапов развития феодализма. Скоро, однако, с включением в нее византинистов западноевропейских стран она приняла гораздо более острый идеологический характер: проблема квалификации общественного строя империи была поставлена в плане решения альтернативы — этатизм или феодализм. Закономерным следствием этого было пристальное внимание не только к таким вопросам, как характер и особенности крупного византийского землевладения, юридический и фактический статус париков, формы их эксплуатации, но и к вопросам о социальной сущности византийских налогов (централизованная рента или реализация прав суверена), о государственной собственности на землю и о видах ее эксплуатации.

Уже почти столетия назад крупнейший немецкий византинист Ф. Дэльгер отметил существование в Византии X—XI вв. «императорских

¹ З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, стр. 178 сл.

доменов», на которых жили «парики», уплачивавшие в казну налоги². Однажды этот исследователь даже определил их как *Staatsparoiken*, т. е. «государственных париков», но ничего не сказал об их отличии от других свободных налогоплательщиков³. Другой крупнейший специалист, югославский византист Г. А. Острогорский, в 1948 г. высказал мысль, что частновладельческие земли, до того как они стали собственностью отдельных лиц, были полной собственностью государства, что «в условиях развитого феодализма, в сущности говоря, нет повинностей государственных и феодальных, и, во всяком случае, между ними нет непереходимой грани»⁴. Болгарский историк Д. Ангелов также писал об императорских доменах как о бесспорном явлении и считал, что на них трудились парики особой категории, хотя и не показал, в чем состояла ее специфика⁵.

Далее обе стороны этой двуединой проблемы (государственная собственность и государственные крестьяне) трактовались в научной литературе то порознь, то вместе, пока к началу 60-х годов не выкристаллизовались две противоположные концепции (мы имеем здесь в виду прежде всего историографию стран социалистического лагеря, так как в западной литературе вопрос об общественном строе в Византии так и не вышел за рамки формально-юридической контрверзы: феодализма не было, ибо не было развитой вассальной системы).

Концепцию всеобщей государственной собственности в Византии конца IX—XI в. как собственности феодальной и государственных крестьян как крепостных короны разработали почти одновременно советский византист А. П. Каждан и Г. А. Острогорский.

В 1952 г. А. П. Каждан впервые сделал вывод, что нечастновладельческие крестьяне являются феодально зависимыми, как налогоплательщики казны, прикрепленные к своему податному тяглу⁶. Более детально он развил эту идею через четыре года⁷ и окончательно обосновал в 1960 г.⁸ Согласно взглядам А. П. Каждана, раньше чем восторжествовала вотчинная система эксплуатации, имел место более чем трехсотлетний период централизованной феодальной эксплуатации постепенно прикрепленного к тяглу налогоплательщика через государственный аппарат — период преобладания централизованной феодальной ренты, сходной по своей социальной сущности с рентой-налогом, характерным для восточных деспотий. Налицо были три главных фактора, придавших прежнему налогу характер централизованной феодальной ренты: 1. Утверждение государственной собственности на все земли империи; 2. Прикрепление налогоплательщиков к земле; 3. Отказ от присущих ранее (до «аграрного переворота» VIII—X вв.) византийской податной системе строгих принципов и норм исчисления и взимания налога и преобладание местного обычая, столь характерного для рентных отношений.

Г. А. Острогорский тщательно аргументировал сходную теорию в 1954 г., акцентировав внимание на «крепостной» зависимости крестьян-налогоплательщиков от государства. По мнению этого ученого, если бы

² F. Dölger. Beiträge zur Geschichte der byzantinischen Finanzverwaltung, besonders des 10. und 11. Jh.— «Byzantinisches Archiv», 9, 1927, S. 25, 47, 63, 149, 151; *idem*. Ein Fall der slavischen Einsiedlung im Hinterland von Thessalonike im X. Jh.— SKAW, Phil.-Hist. Kl., H. 1, 1952, S. 7.

³ F. Dölger. Byzanz und die europäische Staatenwelt. Ettal, 1953, S. 219.

⁴ Г. А. Острогорский. Византийские писцовые книги.— BS, 9, 2, 1948, стр. 235, 238.

⁵ Д. Ангелов. Принос к поземлените отношения във Византия през XIII век.— ГСУ, Ист.-филол. фак-тет, кн. 2, 1952, стр. 74.

⁶ А. П. Каждан. Крестьянские движения в Византии и аграрная политика императоров Македонской династии.— ВВ, V, 1952, стр. 77 сл.

⁷ А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии VIII—X вв.— ВВ, X, 1956.

⁸ А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 138—168.

мы признали, что свободных крестьян, обязанных военной службой государству, было много и что они не были прикреплены к земле, нельзя было бы и говорить «об истинном развитии феодальных институтов в Византии»⁹.

Концепции, развитые Г. А. Острогорским и А. П. Кажданом, напши и сторонников, и противников. Часть византинистов-марксистов усмотрела в этой теории удачное решение казавшегося ранее трудно устранимым противоречия: с одной стороны, налицо вполне сложившееся поместье с зависимым крестьянством, с другой — бесспорные данные о массе свободных от частной зависимости деревень налогоплательщиков казны¹⁰.

Мы также разделяли представление о IX—X столетиях как о периоде централизованного государственного натиска на крестьянство, возражая, однако, против характеристики налога в эту эпоху как феодальной централизованной ренты, против мнения о государственном прикреплении налогоплательщиков как феодально зависимых, несвободных людей и против попыток усмотреть в колебаниях уровня налогов свойство, присущее именно феодальной ренте. Известной непоследовательностью в нашей позиции было согласие с выводом о существовании в Византии X—XI вв. государственной собственности на все земли империи¹¹.

Высоко оценив труд А. П. Каждана, безусловно остающийся на сегодняшний день наиболее фундаментальным исследованием поземельных отношений в Византии IX—X вв., М. Я. Сюзюмов признал справедливым заключение автора, что X столетие было в империи веком «аграрного переворота», когда оформилась не просто крупная земельная собственность, а именно — феодальная¹². Однако по всем тем пунктам концепции А. П. Каждана, которые мы привели ранее, М. Я. Сюзюмов высказал решительное несогласие: не было ни всеобщей государственной собственности на землю, ни прикрепления крестьян к земле, ни централизованной феодальной ренты, ни коренных перемен в принципах византийского налогообложения¹³.

О сохранении в Византии вплоть до ее гибели в XV в. основных принципов податной системы сделала заключение и К. В. Хвостова¹⁴.

Несогласие со взглядами Каждана и Острогорского было высказано и в зарубежной историографии (острие этой критики там было обращено против Острогорского). Греческий историк И. Караяннопулос выдвинул ряд веских возражений против тезиса о прикреплении налогоплательщиков к тяглу, показав, что аргументирован этот тезис материалом источников недостаточно. Уплата налогов и выполнение отработочных повинностей в пользу казны, по мнению этого исследователя, не может служить показателем несвободы: в противном случае все налогоплательщики,

---

⁹ Г. Острогорски. О византийским државним селяцима и војницима. Две повеље из доба Јована Цимиска. — Глас САН, 214, Одељење друштвених наука, књ. 3. Београд, 1954, стр. 39 сл.; G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles, 1956, p. 22.

¹⁰ См., например: М. М. Фрейденберг. Аграрные отношения в Византии в XI—XII вв. Автореферат канд. дисс. М., 1952, стр. 7; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. — ВВ, XVII, 1960, стр. 35; *ея же*. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, 1971, стр. 174.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960 стр. 42—57; *ея же*. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — ВИ, 1960, № 9; *ея же*. Темпове и специфика на социално-икономическото развитие на България в сравнение с Византия (от края на VII до края на XII в.). — ИП, 1970, № 6, стр. 29.

¹² М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — ВВ, XXI, 1962, стр. 213.

¹³ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, X, 1956, стр. 41—44; *ея же*. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 211—215.

¹⁴ К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М., 1968, стр. 108 сл.

независимо от времени и места, должны рассматриваться как несвободные люди¹⁵.

Вывод о прикреплении налогоплательщиков к тяглу отверг и Н. Зворнонос, по мнению которого отнюдь не все крестьяне, уплачивающие в казну падати, — «парики государства»¹⁶⁻¹⁷. П. Лемерль считает верной догадку Ф. Дэльгера: государственные парики — лишь крестьяне, трудившиеся в поместьях казны¹⁸.

Среди критических замечаний названных выше авторов наиболее обстоятельные принадлежали И. Караяннопулосу и М. Я. Сюзюмову. Первый доказывал, что в двух грамотах последней четверти X в., послуживших основанием для вывода о крепостничестве в Византии, на самом деле такого рода данных не содержится. Второй, отвергая тезис о всеобщей государственной собственности, бегло сослался на Конституцию Юстиниана I, на новеллы Льва VI и на новеллу Василия II об отмене сорокалетней давности. При этом если критика первого была по преимуществу деструктивной (отвергая, он ничего не предложил взамен), то весьма конструктивные контррешения второго, к сожалению, вопреки обыкновению, не были тщательно обоснованы материалом источников.

Сомнения (также неаргументированные) в существовании всеобщей государственной собственности высказал и болгарский ученый Д. Ангелов. Родовая собственность, пишет он, в отличие от кому-либо предоставленной василевсом собственности казны, не могла быть отнята, а если, тем не менее, такого рода случаи имели место, то император выступал при этом не как собственник всех земель страны, а как суверен¹⁹.

Неудивительно поэтому, что А. П. Каждан, знавший о взглядах М. Я. Сюзюмова и И. Караяннопулоса прежде, чем завершил работу над упомянутой выше монографией, в сущности пренебрег их замечаниями, поскольку возражения критиков не были детально аргументированы²⁰.

Охарактеризовав разные, хотя и тесно связанные друг с другом стороны концепции А. П. Каждана и Г. А. Острогорского, мы, однако, остановимся лишь на одном моменте — на вопросе о государственной собственности, который в монографии А. П. Каждана подвергся особенно детальной разработке и в решении которого мы раньше ошибались.

Обратимся к источникам, прежде всего к тем, на которых основано представление о всеобщей собственности государства на землю страны.

По мнению А. П. Каждана, в «Податном уставе» исчезло всякое различие между налогом (публично-правовым явлением) и пактом (частно-правовым арендным платежом — автор называет его «рентой»), что может быть понято лишь в том случае, если допустить наличие юридической теории, согласно которой все земли государства, находящиеся в пользовании-владении частных лиц, рассматриваются как сданные им правительством в аренду²¹. Византийское право, утверждает автор, «рассматривало всякую недвижимость (курсив наш. — Г. Л.) как принадлежавшую госу-

¹⁵ J. Karayannopoulos. Рец. на: G. Ostrogorskij. Quelques problèmes... — BZ, 50, 1957, S. 171, 181.

¹⁶⁻¹⁷ N. Svoronos, in: «Archives de l'Athos, V. Actes de Lavra. I. Paris, 1970, p. 107; idem. Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XIe siècles principaux problèmes.— «Proceedings of the XIIIth international Congress of byzantine Studies». London, 1967, p. 315.

¹⁸ P. Lemerle. Recherches sur le régime agraire à Byzance. — «Cahier de civilisation médiévale». 2, 1959, p. 273.

¹⁹ Д. Ангелов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город... — BS, 25,1, 1964, p. 116—118.

²⁰ См. А. П. Каждан. О социальной природе византийского самодержавия.— НАА, 1966, № 6.

²¹ Ср. J. Danstrup. The State and landed Property in Byzantium to c. 1250.— CM, 8, 1946, p. 241.

дарству и лишь уступленную императором лицу, которое выполняет государственные повинности»²².

Действительно, в «Податном уставе» сказано буквально: «И взыскиваемый в налоговом округе пакт является государственным каноном...»²³. Но, во-первых, из контекста никак не следует, что здесь имеется в виду взыскание пакта за аренду частной земли. Уже Ф. Дэльгер, комментируя это место, считал, что речь идет, несомненно, об аренде государственной земли²⁴. Упомянутые авторы, надо думать, понимают приведенный пассаж точно так же. Но непонятно, почему они не усматривают различия между каноном и пактом, о котором сказано несколько ниже: канон вдвое меньше пакта²⁵. Во-вторых, речь в «Податном уставе» идет не просто о сдаче государством земли в аренду частным лицам, а о сдаче таких участков, которые были конфискованы государством после 30-летнего отсутствия хозяина или наследников этой заброшенной земли, как это с очевидностью следует из фрагмента «Трактата о налогообложении», изданного И. Караяннопулосом²⁶. Лишь ликвидировав частный титул собственности на участок, казна стала сдавать его в аренду — причем за плату, вдвое превышающую канон, именно потому, что право собственности на землю принадлежит теперь государству, а не частному лицу, уплачивавшему ранее канон²⁷ (см. подробнее об этом ниже).

Далее. Юридической теории о принадлежности государству всякой недвижимости не существовало. Утверждая обратное, А. П. Каждан имеет в виду новеллу Льва VI № 114, но мы иначе толкуем ее важное в данной связи место. Приведем его в контексте: «Владеющему недвижимостью позволено невозбранно и беспрепятственно продавать (ее), кому хочет; поскольку всякая недвижимость облагаема димосием, царственность моя разрешает покупать (ее) производящему уплату государственных тягот» (πᾶν γὰρ ἀκίνητον ὑποδημισίον ὃν ἐκχωρεῖ ἡ βασιλεία μου τῷ τῆν καταβολῆν ποιοῦμένῳ τῶν δημοσιακῶν βάρων ἐξωνεσθαι)²⁸.

Ничего похожего на тезис о том, что «всякая недвижимость принадлежит государству», здесь не содержится. Речь в новелле идет о том, что со всех недвижимостей в государстве взимаются налоги и перемена собственника не возбраняется, поскольку на покупателя переносятся «тяготы», связанные с обладанием недвижимостью. Т. е. юридическая теория состояла не в утверждении принципа азиатской деспотии (вся недвижимость страны — собственность деспота), а в признании классического принципа римского права: «кто владеет — платит» налог, ибо это — священный долг каждого гражданина²⁹. Короче эта мысль сформулирована в «Пире»: «За обладанием имуществом следуют налоги» (τέλη)³⁰.

Следующий аргумент А. П. Каждана — новелла Василия II об отмене сорокалетней давности. Казна, говорит император, имеет право восстановить свою собственность на любое имущество независимо от времени, когда ее право было нарушено, хотя бы это случилось во времена Октавиа-

²² А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 139—140.

²³ F. Dölger. Beiträge..., S. 123. 1—2...

²⁴ Ibid., S. 155.

²⁵ Ibid., S. 123. 6—7.

²⁶ J. Karayannopoulos. Fragmente aus dem Vademecum eines byzantinischen Finanzbeamten. — «Polychronion. Festschrift F. Dölger». Heidelberg, 1966, S. 322, 324. Вопреки утверждению Ф. Дэльгера (F. Dölger. Beiträge..., S. 155) этот участок уже не принадлежит к ипотаге деревни (он стал «идиостатон»), а к ридзе он причисляется только при исчислении эпибола, как всякие идиостата, отделившиеся от деревни.

²⁷ В связи с этим мы никак не можем согласиться с Г. А. Острогорским, утверждавшим, что μήτε γῆν ἰδίαν ἔχόντων и μήτε γῆν δημοσιακὴν κατεχόντων — являются тавтологией (G. Ostrogorskij. Quelques problèmes..., p. 31).

²⁸ Jus, III, p. 220.

²⁹ См. М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период. — АДСВ, 8, 1972, стр. 9.

³⁰ Jus, I, XV, 7, p. 44.

на Августа, независимо от того, кто был в этом повинен, сам ли похититель или правительственные эпопты и василики, ибо они нередко проявляют нерадение, корыстолюбие и дурные склонности и лишь немногие из них неукоснительно выполняют царские повеления³¹.

А. П. Каждан понимает эту новеллу в том смысле³², что «практически» император «мог претендовать на любой земельный надел»³³.

Однако мысль Василия II состояла отнюдь не в том, что он имел право притязать на все и любые недвижности, а в том, что незаконно похищенное у казны (в том числе — землю) фиск может вернуть независимо от сроков давности. Сам А. П. Каждан среди памятников юридического происхождения признает для X—XI вв. достоверной именно «Пиру», поскольку она действительно отражала «действующее право Византийской империи» той эпохи³⁴. Но в «Пире» проблема, затронутая в новелле Василия II, толкуется как раз так, как мы ее интерпретировали.

В случае овладения собственностью казны через «недобросовестный акт» (*κακή πίστις*), пишет Евстафий Ромей, права фиска признаются в силе не с момента обнаружения истины, а с момента их поправки³⁵. Для захватчиков имущества казны, говорит юрист в другом месте, «время не устраняет возможности возбудить процесс с целью привлечения их к суду, ибо похититель государственного имущества не может сослаться на срок давности; при этом ответствен не только он сам, но и его наследники, хотя бы они ничем не воспользовались из похищенного у казны»³⁶.

Какие же это притязания императора на любой надел? Василий II грозился отнять не что угодно и у кого угодно, а только то, что было захвачено или получено у казны вопреки официальному закону или с несоблюдением его точного смысла.

А. П. Каждан ссылается в качестве доказательства своей точки зрения также на то, что нередкими бывали случаи, когда раздел имущества или уточнение границ между участками осуществлялись в соответствии с высотой доли налога, что византийские чиновники во время кадастровых ревизий производили «передел крестьянской земли в соответствии с суммой платимых каждым падатей». «При этом, — говорит автор, — византийское право исходило из того, что именно выполнение повинностей было определяющим, первичным»: не платить подать и не иметь земли было синонимом³⁷.

Синонимом это было действительно, но именно потому, что первичным было обладание имуществом, а вторичным — уплата за это налога — отнюдь не наоборот: внесение налога никак не предполагало немедленного предоставления имущества от казны. Для этого нужно было это имущество у казны купить или получить в аренду, или добиться в качестве держания под уплату канона, или обрести в качестве дара императора с четко обозначенными условиями владения.

Что касается переделов крестьянской земли при кадастровых ревизиях, то мы не будем на этом тезисе задерживать свое внимание, отослав читателя к нашей статье и новейшей литературе вопроса, там цитируемой³⁸. Ныне является признанным, что никаких периодических сокращений или расширений чиновники фиска для участков крестьян во время ревизий не производили — эти участки давно были частной собственностью нало-

³¹ Jus, III, p. 315.

³² Cf. F. Dölger. Рец. на: D. Zakythinos. Etatismes byzantin et expérience hellénistique («Mélanges H. Grégoire», 2, 1950). — BS, 45, 1952, p. 194.

³³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 140, прим. 78.

³⁴ Там же, стр. 17.

³⁵ Jus, I, XXXVI, 1, p. 155.

³⁶ Jus, I, VIII, 10, p. 23. См. также: I, XXXVI, 14, p. 159.

³⁷ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 140.

³⁸ См. G. G. Litvin. Les terres à l'abandon selon le «Traité fiscal» du Xe s. et leur importance pour le fiska. — «Etudes balkaniques», 3, 1971, p. 30.

гоплательщиков с четко означенными границами ^{38а}. Суммирование всей земли деревни (ипотаги) и всей суммы канона с нее (ридзы) предполагало предварительную индивидуальную оценку каждой стаси и обмер каждого индивидуального участка: узнав, сколько долей номисмы приходится на модий, определяли и налог каждого в соответствии с размером его *собственного* участка, а не сокращали или расширяли этот участок за счет земель общины (или «государственной»?) соответственно с суммой налога, уплачиваемого домохозяином.

Напротив, если крестьянин не мог уплатить налога за свою землю согласно определенной чиновниками норме, его могли принудить для уплаты долга казне продать часть земли, могли взвалить на общину обязанность доплатить недостающее в силу круговой поруки, могли предоставить общицавшему — после соответствующих хлопот — временную отсрочку платежей (куфисмос), могли изъять пустующие более 30 лет участки вместе с частью угодий общины. Но в X—XI вв. ему уже не нарезали надела, соответствующего платимому им канону. Никаких пределов земли община этого времени уже не знала.

Разделы же и размежевания границ (примеров этого немало в «Пире») производились по суду в соответствии с размерами налога, платимого каждым из тяжущихся, только в тех случаях, когда не было других данных для решения спора. При этом предполагалось, что некогда, когда доли налога каждого из совладельцев или соседей устанавливались фиском, эти доли были определены в точной зависимости от размеров имущества. Ни о чем ином такой способ размежевания не говорит.

Наконец, еще один аргумент А. П. Каждана: ссылка на жалобу болгарского архиепископа Феофилакта Ифеста, что деревня, не записанная в каких-либо практиках и давно принадлежавшая архиепископии, была у нее отнята императором ³⁹. А. П. Каждан поясняет, что хотя Феофилакт недоумевает, он не ставит под сомнение «право императора конфисковать земли поданных», ибо оно (право казны конфисковать земли без суда) принадлежало императору в силу закона, признающего его верховным собственником всей земли государства: недаром архиепископ пишет, что эта деревня может быть подарена императором или его вельможами-наместниками кому угодно или так же просто может быть отнята властями у любого из «архонтов» ⁴⁰.

М. Я. Сюзюмов, рассматривая этот аргумент А. П. Каждана, полагает, что письмо Феофилакта не может быть доказательством прав собственности императора на частные земли, потому что конфискация в данном случае противоречила церковным законам, согласно которым земли церкви являются неотъемлемыми ⁴¹. В свое время мы проследили по переписке Феофилакта все перипетии, связанные с отнятой у него деревней, и установили, что об этом идет речь не в одном (изложенном выше) письме, а в нескольких письмах архиепископа ^{41а}. Тексты других писем на этот счет не оставляют, по нашему мнению, сомнений в том, что Феофилакт приобрел «пресловутую землю» незаконно, что он, кроме этой деревни, «ничем казенным» более не владеет. Слабость его протестов именно этим и объяснялась: обнаружив, пишет он, «у тогдашнего практора, благодаря моему скромному увещанию, готовность услужить, я владел ею», т. е. деревней. Теперь архиепископ схвачен за руку и готов «не противиться», но просит «даровать ...деревеньку» церкви. Ранее эта деревня

^{38а} См. А. П. Каждан. Византийская культура. М., 1968, стр. 39.

³⁹ PG, t. 126, col. 533D — 536A.

⁴⁰ См. А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 141 и прим. 84; стр. 142.

⁴¹ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 214.

^{41а} М. Я. Сюзюмов. рецензировавший нашу книгу, упустил это обстоятельство из виду (см. ВВ, XXII, 1963, стр. 298—304).

была поселением свободных налогоплательщиков — закабалил ее архиепископ постепенно благодаря патронатному договору с крестьянами ^{41б}.

Под «практиками», в которые деревня не была внесена, в данном случае следует усматривать не ординарные кадастры для свободных сельских общин, а описи земли государственных учреждений. Теперь, после того как она конфискована у архиепископа, деревня стала собственностью казны („казенной“): ее могут подарить любому или снова отобрать, если дар сделан без предоставления прав полной собственности.

А. П. Каждан, касаясь самого термина, которым архиепископ обозначил акт конфискации земли у архиепископии («отнята» — *ἀποσπασθέν*), отмечает, что выражение *ἀποσπλά* в таком смысле известно уже «Податному уставу»⁴². Мы бы, однако, добавили при этом, что данный термин в упомянутом документе употреблен для обозначения конфискации именно такой земли, которая была обретаена через совместное мошенничество правительственного чиновника и землевладельца, через нарушение закона ⁴³.

Итак, мы рассмотрели все аргументы в пользу тезиса о существовании в Византии X—XI вв. всеобщей государственной собственности на землю и признали их недостаточно убедительными. Однако, как следует уже из сказанного, подлинно государственные земли в эту эпоху существовали и казна признавалась их полноправным собственником. Какие же это были земли?

Для А. П. Каждана это государственная собственность, так сказать, в узком смысле — подлинно государственная или императорская земля (поместья), что в сущности синонимично, так как между царской и казенной землей отсутствовало всякое различие ⁴⁴. Несколько иначе смотрит на дело М. Я. Сюзюмов: в принципе, пишет он, оба вида земель обнимались понятием «государственная собственность», «которой бесконтрольно распоряжался император», но «разница... тем не менее была» и заключалась в том, что императорские земли — это земли с организованным хозяйством, а государственные состояли из конфискованных земель, на которых казна не вела собственного хозяйства ⁴⁵.

Обратимся к источникам, фиксируя при этом главное внимание, в соответствии с целями, поставленными в данной статье, не на различиях между государственной и царской землей, а на отличиях обеих этих категорий собственности от земель частных и общинных.

В «Податном уставе» и в «Трактате о налогообложении» Караяннопулоса в качестве основы нормального функционирования византийской податной системы названы два главных условия: любая недвижимость, облагаемая налогами, должна иметь своего юридического собственника (юридическое лицо), на имя которого она вписана в кадастры; эта недвижимость, кроме того, должна подвергаться эксплуатации, т. е. так или иначе приносить какой-то доход своему владельцу. Основным, однако, из этих условий является именно первое: доходный участок мог ускользнуть от внимания чиновников и не попасть в писцовую книгу, оставаясь вне налогообложения, пока его не обнаружат при ревизии, но даже полностью заброшенная и потерявшая плодородие парцелла не могла избежать налогообложения, если она внесена в кадастры на имя ее собственника, который не сумел своевременно добиться от казны податного послабления, отсрочки или полного изъятия. Во всех случаях осуществления налоговых льгот в первую очередь выяснялось, кто владелец не приносящей дохода недвижимости, находится ли он в пределах досягаемости для

^{41б} См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 84—87.

⁴² А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 141.

⁴³ F. Dölger. Beiträge..., S. 121, 14—22.

⁴⁴ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 129—130.

⁴⁵ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 214.

фиска, сколь долго отсутствует, известно ли — хотя бы примерно — место его пребывания, кто его наследники и каковы их права. Собственник недвижимости — главный ответчик перед фиском. Лишь после истечения 30 лет с момента, когда налог был официально снят с заброшенного участка, могли быть проведены меры по его конфискации в пользу казначейства. Конфискация означала передачу титула собственности на участок от частного лица, покинувшего землю, казне.

Оба налоговых трактата, рассказывая об этой операции, не содержат ни малейшего намека на какого-либо иного господина крестьянской земли, кроме самих крестьян; они отдают часть дохода со своих хозяйств только государству⁴⁶, обходясь при этом безо всяких посредников, кроме официальных представителей фиска.

Оба налоговых трактата ориентированы не на разрозненных собственников самостоятельных участков (идиостата) и не на подвластные частным лицам зависимые деревни париков, а на свободные крестьянские поселения налогоплательщиков — собственников индивидуальных участков и совладельцев угодий, являющихся общинной собственностью. И при этом, наконец, оба трактата проводят строжайшее различие между землями государства и землями частных лиц (как членов, так и нечленов общины), между землями казны и общинными угодьями (землей общины как юридического собственника).

Лежащий между деревнями участок и не входивший в ипотагу ни одной из них не признается их собственностью, хотя и *ἀδέσποτον*, т. е. «бесхозный». Его собственник — казна. Он может быть испрошен кем-либо у правительственного эптопта при условии платить канон, он может быть возделан и самовольно, но также — при обнаружении этого — облагается канонем и переводится в разряд идиостатон⁴⁷. О передаче титула собственности новому владельцу при этом трактаты не говорят, как и о юридическом статусе владения (кроме обложения канонем). Было бы опрометчиво торопиться с заключением, что этот участок становился частной собственностью лишь за обязательство уплачивать канон. Ведь в таком случае в X в. не возникла бы и проблема крестьянского малоземелья: населения было довольно редким, отнюдь не сплошные территории были обработаны или попали в собственность частных лиц и в угодья общин-деревень. Также невозможно пока сделать вывод, что государство, довольствуясь канонем с этого участка, как и с любого частновладельческого надела жителя деревни, выступало по отношению к новому хозяину участка лишь как суверен.

Заброшенная земля, у которой нет ни хозяина, ни наследника в течение 30 лет, отмежевывается и конфискуется государством — она становится собственностью казны, ибо «казне (*δημοσίῳ*) дается позволение делать с класмой, что она хочет (*ὅ βούλεται*). Ибо, если говорят, что василевс даровал такую землю тому-то или тому-то из всей обнаруженной класмы, то это значит, что 30 лет миновало»⁴⁸. До отчуждения земля, получившая статус класмы, вносится «в практик» (опись) секрета (геникона?)⁴⁹. Кажется, мы можем без риска ошибиться резюмировать: класма переходит в собственность государства (*δημόσιον*), и распоряжается этой собственностью император (василевс).

Класма, как и бесхозный участок, о котором выше шла речь, может оказаться возделанной и обретшей «владельцев» (*νομῆς*)⁵⁰. В таком случае канон на нее восстанавливается, однако относительно титула собственности мы здесь также пока ничего не знаем.

⁴⁶ Мы отвлекаемся в данном случае от солемниев; см. о них стр. 71—72.

⁴⁷ *F. Dölger. Beiträge...*, S. 116. 24—43.

⁴⁸ *Ibid.*, S. 119.33—37.

⁴⁹ *Ibid.*, S. 116.13.

⁵⁰ *Ibid.*, S. 120.10—12.

Бывали «нередко» (πολλάκις)⁵¹, как сказано в «Трактате о налогообложении», случаи, когда государство сдавало в аренду или продавало не только класмы, но и симпафии (т. е. земли, находящиеся в заброшенном состоянии менее 30 лет). Однако титул собственности купившего класму такого рода оставался условным — владение ею при обязательстве уплачивать канон «находится под угрозой востребования ее наследниками» (ὅτι ζήτησιν τοῖς κληρονόμοις)⁵², а в случае продажи симпафии и возвращения законного наследника «теряют покупатели купленное», документ о сделке ликвидируется и неудачник имеет право требовать от казны возвращения попусту затраченных денег⁵³.

Иными словами, отчуждение симпафии было условным, до истечения 30 лет их подлинным юридическим собственником остается прежний хозяин; документ о продаже обретет право свидетельствовать о титуле собственности только после названного срока. Мало того, опоздавший наследник не имеет права на безвозмездное овладение своей бывшей землей: он ее может только купить у государства, пользуясь при этом правом предпочтения. «Трактат» указывает довольно высокую плату: 24 номисмы за землю, с которой ранее взыскивался канон в размере одной номисмы⁵⁴.

Если имело место при продаже или дарении класм мошенничество и эпит, совершая отчуждение, указал в документе меньшее количество земли, чем действительно отдал, «излишек» возвращают казне (προσεχουρώθη τῷ δημοσίῳ)⁵⁵, не уплачивая при этом покупателю — участнику мошенничества — цену «излишка», как разъяснено в «Уставе»⁵⁶.

Приводя эти данные, мы отчасти сказали о судьбе класм, ставших собственностью казны: они дарились и продавались государством, т. е. императором, через правительственных чиновников — эпитов. Титул собственности при продаже целиком переходил к тому частному лицу, которое покупало класмы. Что касается получателя дара, то здесь дело обстояло сложнее: все зависело от того, какое юридическое лицо получало дар и каковы были условия дара.

Кроме того, государство могло в течение неопределенного срока сдавать класмы в аренду (краткосрочную и долгосрочную) на весьма выгодных для себя условиях (с 10 модиев — 1 номисма)⁵⁷, иногда — жителям этого же села⁵⁸, или отдавать (ἀνατεθῆ) какому-либо ведомству (секрету)⁵⁹ («посвящать» — ἀφοσιῶνται, сказано в другом месте)⁶⁰. Класма может оказаться и в ведении какого-нибудь «царского епискепсиса» (ἐπίσκηψις βασιλική)⁶¹ или какой-либо куратории, которой дарит (ἀποχαρίζεται) ее василевс (эпискепсис приравнивается при этом к секрету). Важно при этом, что при передаче класмы правительственным или царским учреждениям предполагалось, что эти учреждения как юридические лица оказываются обладателями титула собственности на эту класму («секрет имеет власть продавать ее и отдавать, куда хочет» — ἔχει ἐξουσίαν πωλεῖν αὐτὸ τὸ σέκρητον καὶ ἐκδιδόναι, ὅπου βούλεται)⁶².

Орфосис имеет в рассматриваемых трактатах два значения: восстановление канона на заброшенные земли, имевшие статус симпафий и класм, и восстановление отсутствовавшего собственника земли в его правах.

⁵¹ J. Karayannopoulos. *Fragmente...*, S. 322, 28f.

⁵² Ibid., S. 323.78—85.

⁵³ Ibid., S. 322.58—323.63.

⁵⁴ Ibid., S. 321.23—322.28.

⁵⁵ Ibid., S. 322.38—42.

⁵⁶ F. Dölger. *Beiträge...*, S. 121, 16—21.

⁵⁷ Ibid., S. 123.1—6.

⁵⁸ J. Karayannopoulos. *Fragmente...*, S. 321.9.

⁵⁹ F. Dölger. *Beiträge*, S. 116. 17.

⁶⁰ Ibid., S. 119.31.

⁶¹ Ibid., S. 120.19.

⁶² J. Karayannopoulos. *Fragmente...*, S. 321.12.

Однако при этом проводится одно важное различие: восстановление налога и восстановление собственника в его правах — не всегда единый процесс. Временное или постоянное право владеть заброшенным участком предполагает восстановление налога, но не всегда влечет восстановление права собственности. Мы уже упоминали, что класмы (как и новь) могли быть испрошены кем-либо под условием уплаты канона или заняты самовольно. Канон эти люди в таком случае должны были платить безусловно. Но вряд ли они обретали в такие случаи право собственности на класму и новь, ибо в «Трактате» разъяснено, что даже собственники и их наследники «не восстанавливаются» [в праве собственности] после 30 лет [отсутствия]» (οὐ γὰρ ὀρθοῦνται μετὰ τὴν λ'ετία) ⁶³. Для этого надо было выкупить право собственности у казны, одного согласия на уплату канона было для этого недостаточно.

Мы думаем, что это различие имело принципиальное значение в византийской действительности, гораздо более существенное, чем различие между казенной и императорской землей, которой в равной мере самовластно, как пишет М. Я. Сюзюмов и как мы видели из данных «Трактатов», распоряжался василевс.

В связи с этим мы хотели бы обратить внимание на оставляемую в историографии до сих пор в тени дефиницию «Податного устава», проводящего резкую грань между двумя видами плательщиков канона в империи. «После заполнения [сборщиком налогов] всей налоговой графы приписки «уплатил такой-то» содержит указание на перемену имени [плательщика], от [имени] предшествующего владельца — к [имени] его наследника, зафиксированную тогдашним анаграфевсом, если приписка делается для деревни геникона; а если речь идет о практиках диикитов, то указывается плательщик, хотя бы он был наследником, и не требуется приписка, кроме единственной — «уплатил» ⁶⁴.

Забегая несколько вперед, скажем, что речь идет здесь не просто о различии в технике ведения налогового учета, а о юридически различных категориях налогоплательщиков: одни из них определены как жители «деревни геникона» (налогового ведомства), а другие — как вписанные в описи местных чиновников (диикитов). Уточнение прав на владение землей для первых необходимо ежегодно (от кого и кому они перешли, кто из чиновников это удостоверил), для вторых этого не требуется.

Мы считаем первых держателям и государственной земли (земли геникона), не имеющими на нее титула полной собственности (подобно зависимым держателям земли крупных собственников), а вторых — свободными собственниками (членами или нечленами общин).

В новелле Романа I Лакапина от 922 г. сказано совершенно ясно, что класмы («κλασματικοὶ τόποι»), подобно некоторым иным владениям, принадлежат димосию (казне) ⁶⁵. Новелла Константина VII Багрянородного упоминает о несправедливом обычае продажи казной участков стратиотов, утративших способности нести лично военную службу, но император не позволяет этому обычаю обрести силу закона, как «зверскому и жестокому» ⁶⁶. Этот император причислял к динатам не только епископов, но и богоугодные заведения, которые скупали крестьянские и стратиотские участки ⁶⁷. В новелле Никифора II Фоки от 962 г. вновь говорится о том, что эпопты и василики («царские люди») продавали воинские участки, и император, опять запрещает делать это ⁶⁸. По-видимому, речь снова

⁶³ Ibid., S. 322. 25.

⁶⁴ F. Dölger. Beiträge..., S. 123.8—14.

⁶⁵ Jus, III, p. 240.

⁶⁶ Ibid., p. 264.

⁶⁷ Ibid., p. 262—263.

⁶⁸ Ibid., p. 285—286.

шла о стратиотах, имущественное состояние которых не позволяло им нести воинскую службу.

Согласно другой новелле этого же императора, казна имела право конфисковать земли тех армянских воинов, которые отсутствовали более 3 лет, а земли перебежчиков к сарацинам — немедленно. Эти конфискованные земли казна передавала отличившимся стратиотам или другим лицам, несшим «общепользные обязанности», и перебежчикам из стана врагов. Если же они были отданы царскому монастырю или иным кураториям, а также знатым лицам в виде пожалований и милости (дара), а также если эти земли были проданы эпоптами через либеллы, то в случае возвращения наследников армянских воинов эти документы о продаже или хрисовулы о даре теряли силу: наследники имели право получить владения своих отцов не только после 3 лет, но и после 30 лет отсутствия. Те из вернувшихся армян, которые были в земле врагов, теряли свои владения (такова кара за их поступок), но им предоставлялись «иные места»⁶⁹.

Нетрудно заметить и здесь, сколь разное отношение государства к землям, составлявшим частную собственность армянских воинов, и к землям, пожалованным государством в качестве дара монастырям и частным лицам, не несущим какую-либо службу. Конфисковывались частные земли только за предательство; земли воинов, бросавших службу более чем на 3 года, несмотря на конфискацию, могли быть возвращены наследникам этих воинов в течение 30 лет. Сами перебежчики, вернувшись, могли получить «иные места». Напротив, те, кто получил земли, конфискованные казной у частных лиц, в виде дара, не могли быть уверены, что власти не отнимут их снова. Титул полной собственности им не давался. В этом — суть.

По новелле Никифора II Фоки о монастырях, казна не возбраняла благочестивым людям, принявшим схиму, строить в «пустынных местах» кельи и лавры, огораживая, однако, запрещение выходить за пределы монастырской ограды для овладения землей⁷⁰ — она была государственной.

В «Пире» нередко употребляется термин *δημοσιακά κτήματα* в смысле *βασιλικά, κτήματα*, и наоборот. «Частные» имущества (*ιδικά*) василевса и августы, говорится там, — это «имущества кураторий и епископсисов», находящиеся в ведении «казны» (*δημοσίου*)⁷¹. *Τὰ δημόσια*, сказано в другом месте, — это те *δημόσια*, которые казна (*δημόσιος*) имела и приобрела прежде, чем (этот) василевс вступил на трон. Когда же он обрел царство, то присоединялись к сему также класмы и имущества, приобретенные в бою (*τὰ ἐξ ἀδούρων*)⁷².

Мы согласны с А. П. Кажданом, собравшим немало сведений о «государственной» и «царской» земле⁷³, что практического различия источники здесь не проводят⁷⁴, но его оппоненты правы в том, что эта земля — не вся территория страны, а лишь те ее пространства, которые не находились в частной собственности отдельных лиц и крестьянских общин. Юридический статус этих земель был, однако, весьма различен. Титул полной собственности на нее государство теряло только в случае продажи или дара в «полную собственность». Сдача же ее в аренду, в вечное держание под условием уплаты канона, передача церкви, монастырям или благо-

⁶⁹ Jus. III, p. 290—291.

⁷⁰ Ibid., p. 296.

⁷¹ Jus, I, XXV, 1, p. 155.

⁷² Ibid., XXXVI, 2, p. 156. Мы предполагаем, что *ἄδουρία* — производное от латинского *adorig* — «вести наступательные действия».

⁷³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 127—141.

⁷⁴ Иски относительно земель императора и августы, сказано в «Пире», вчиняются «димосию» (Jus, I, XXXV, 2, p. 155—156). Другой выразительный пример приведен А. П. Кажданом (Деревня и город..., стр. 130. Подробно см.: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 167—175): по акту Лавры от 1104 г. монахи отдали казне (*δημοσίῳ*) проагий в обмен на три царских (*βασιλικῶν*) проаствия.

творительным учреждениям, а тем более правительственным ведомствам, а также воинам в награду за службу, в дар отдельным лицам и т. п. не лишали казну прав *dominus eminens*, хотя конкретные права получателя и казны могли быть при этом разнообразны и специально определены в каждом отдельном случае.

Иными словами, мы считаем, что такой сторонник и автор теории «государственной собственности» на все земли империи, как Дж. Данstrup, прав в том, что государство продолжало сохранять право верховного контроля над теми землями, которые оно передавало в руки частных лиц и духовенства⁷⁵. В X—XI вв. юридический статус большей части земель, «дарованных государством» частным лицам (не говоря уже о духовенстве), не был, по нашему мнению, идентичен статусу родовых частнособственнических земель: право верховной собственности в последнем случае оставалось в руках государства.

Что касается другого разногласия, отмеченного выше: рос или сокращался в течение X—XI вв. фонд государственных земель, то, видимо, здесь не может быть однозначного ответа. Л. Брейе полагал, что этот фонд в указанное время рос⁷⁶, А. Андреадис и Дж. Данstrup придерживались прямо противоположного взгляда⁷⁷. А. П. Каждан склонен скорее поддержать Л. Брейе⁷⁸. По нашему мнению, бывали периоды, когда этот фонд расширялся в силу двух главных причин: 1) крупные конфискации после подавления многочисленных заговоров и мятежей знатной провинциальной военщины или столичной аристократии; 2) завоевание соседних с империей земель, как это оговорено и в «Пире» Евстафия Ромея⁷⁹.

Когда в 934 г. византийцы взяли Мелитину, она была превращена вместе с округой в императорскую кураторию⁸⁰. Еще в 1960 г. мы высказали предположение, что императорский фонд значительно пополнился с завоеванием Болгарии (в 971 г. ее северо-восток захватил Цимисхий, в 1018 г. всю страну — Василий II)⁸¹. Ныне мы повторяем это с полной уверенностью. Неясным остается только, все ли земли Болгарии и вообще всех присоединенных территорий рассматривались при этом как земли казны (следуя Евстафию Ромею — «все добытое мечом принадлежит государству») или только те, которые и ранее в Болгарии, в период ее самостоятельного существования, не принадлежали частным лицам или были собственностью представителей болгарской династии и крупных вельмож, подвергшихся конфискации и выселенных из Болгарии.

Прямое упоминание о государственной земле в завоеванной Болгарии мы усматриваем в сообщении Яхьи Антиохийского, что управлять «имуществами» в нее были направлены василики⁸² («царские люди»), о которых как о распорядителях землями казны, наряду с эпоштами упоминается в приведенных выше свидетельствах новелл.

Прямое указание на это мы усматриваем и в типике монастыря Богородицы Милостивой, где сказано, что эта обитель была воздвигнута ἐν τόπῳ βασιλικῷ («на царском месте»)⁸³, и в практике передачи земли этому монастырю, когда 10 дворов δημοσιακοὶ πάροικοι («государственных пари-

⁷⁵ J. Danstrup. The State..., p. 231.

⁷⁶ L. Brehier. Les institutios de l'Empire byzantin, II. Paris, 1948, p. 266.

⁷⁷ A. Andréadès. Deux livres récents sur les finances byzantines.— BZ, 28, 1928, p. 295; J. Danstrup. The State..., p. 224.

A. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 137.

⁷⁹ Jus, I, XXXVI, 2, p. 156.

⁸⁰ Theoph. Cont., p. 416, 23—417. 2. См. об этом также: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 131.

⁸¹ Г. Г. Литаерин. Болгария и Византия..., стр. 138—151.

⁸² В. Розен. Император Василий II Болгаробойца. Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. 59.

⁸³ L. Petit. Le monastère de Notre Dame de Pitié en Macédoine. — ИРАИК, VI, 1900, p. 90.

ков) оказалось в окружении переданных монастырю земель — из категории класм⁸⁴. О царских табунах, пасшихся в Северо-Восточной Болгарии и отправляемых ко двору ежегодно по 60—100 голов, сообщает и знатный хронист — участник IV крестового похода Робер де Клари⁸⁵.

Найдены в Болгарии и печати «логофета стада» — управителя секрета, ведавшего конными императорскими заводами⁸⁶.

Мы приводили все эти свидетельства в подкрепление нашего мнения о том, что фонд императорских доменов пополнился за завоеванием Болгарии в 1018 г.⁸⁷ Нам непонятно, почему А. П. Каждан, бегло заметив, что местонахождение печатей — не аргумент, и не сказав ни слова об упомянутых письменных свидетельствах, счел наш вывод «лишь догадкой»⁸⁸, хотя этот же автор в тогда же вышедшей монографии без указания на «Пиру», на основе свидетельства об овладении Мелитиной в 934 г. заключал, что «новые земли... в результате завоеваний... включаются в состав домена»⁸⁹.

После царствования Василия II (с конца 1025 г.) и до конца рассматриваемого в нашей статье периода (начало 80-х годов) фонд государственных (царских) земель имел, несомненно, постоянную тенденцию к сокращению не только в результате территориальных потерь империи, но и вследствие политики земельных пожалований императоров.

Строго говоря, пожалования государственных (императорских) земель кураториям, хотя те и имели право как правительственные (в «Пире» они названы императорскими) учреждения полностью распоряжаться ими, а также церкви и монастырям нельзя рассматривать как сокращение фонда этих земель. Но это верно на практике лишь относительно кураторий. Хотя церкви и монастыри, не подвластные частным лицам, были также в некотором роде царскими и император сохранял право контроля и верховной собственности⁹⁰, мы не знаем крупных секуляризаций в период 976—1081 гг.

Мало того, и пожалованные частным лицам через хрисулуы государственные земли в качестве милости, дара, награды или как обеспечение определенного вида службы в строгом смысле не были полностью потеряны для казны. Именно эта юридическая теория, по которой на переданные без эквивалентного возмещения (продажной цены) земли государство сохраняло право верховной собственности, ярко проявилась в двух актах правительства, отделенных друг от друга более чем семидесятилетием.

В 985 г., отстранив от власти паракимомена Василия Нофа, еще недавно всецельного временщика, Василий II объявил, что отныне он подвергает пересмотру все хрисулуы и дарственные грамоты правительства, выданные во время всевластия Нофа, как акты, зачастую не имевшие законной силы. Лишь удостоверенные подписью Василия II, как признанные им, могли впредь сохранить законную силу⁹¹.

⁸⁴ *L. Petit*. Op. cit., p. 43. Г. Острогорский ошибается, толкуя указанный термин попросту как «налогоплательщики казны» и заявляя, что ни о каких «императорских поместьях» в этом районе не известно (*G. Ostrogorski*. *Quelques problèmes*, p. 2). Неважно в данном случае, были ли «поместья», важно, как мы видели, что была «императорская земля».

⁸⁵ *Robert de Clari*. *La conquête de Constantinople*. — «Poèmes et récits de la ville de France», XVI. Paris, 1939, p. 137—138.

⁸⁶ *Г. Г. Лутаевин*. Болгария и Византия..., стр. 142.

⁸⁷ Там же, стр. 141, 151.

⁸⁸ *А. П. Каждан*. Рец. на: *Г. Г. Лутаевин*. Болгария и Византия..., стр. 101.

⁸⁹ *А. П. Каждан*. Деревня и город..., стр. 137.

⁹⁰ В недавно опубликованной работе А. П. Каждан неоднократно подчеркивает экономическую несамостоятельность византийских монастырей, их подчиненность государству как фактор, «в корне» отличавший их от западных аббатств (*А. П. Каждан*. Византийский монастырь. . . , стр. 69—70).

⁹¹ *Jus*, III, p. 317.

В 1057—1058 гг. Исаак I Комнин конфисковал много владений монастырей и частных лиц, несмотря на хрисовулы, предъявленные на эти владения, ибо рассматривал включенные в эти документы дарения государственных земель как незаконные акты своих предшественников⁹².

Напротив, мы не располагаем от изучаемой нами эпохи ни единым известием о том, что конфискации подверглась родовая недвижимая собственность, исключая случаи измены и осуждения за государственные преступления.

Точно так же у нас нет ни одного свидетельства того, что император в этот период пожаловал не только частному лицу, но и духовенству или правительственному учреждению хотя бы одну деревню (или даже один двор) со свободными крестьянами — собственниками своей земли.

Но как же в таком случае быть с упомянутыми нами же выше примерами дарений со стороны императора целых сел с крестьянами, хотя бы пример с дарением монастырю Ксенофонта Василием II метоха с 12 проскафименами⁹³ или пример с даром Андронику Дуке в 1073 г. обширных владений с несколькими поселениями Михаилом VII Дукой? Ответ нам представляется теперь нетрудным: это были государственные земли. В частности, земли Андроника, принадлежавшие казне, были переданы ранее ведомству богоугодных заведений Востока. Недаром по их периметру были расставлены пограничные камни с надписями «Царская граница»⁹⁴. Населены эти земли были государственными крестьянами (париками), являвшимися наследственными держателями казенной земли, а не ее собственниками.

Именно поэтому государство не усматривало юридического различия между положением этих крестьян до передачи их в «полную собственность» частного лица и их положением после этой передачи. До того, как эти земли попали в секрет богоугодных заведений Востока, они входили в царский эпискеписис Алопекон (комплекс более обширных владений казны или императора). Роль чиновника секрета, осуществлявшего надзор за этими владениями и сбор доходов с крестьян, играл местный священник, именуемый прокуратором, получавшим в качестве руги 3 номисмы в год⁹⁵. Крайне низкая оплата труда прокуратора исключает всякое предположение, что роскошный дворец в имении был предназначен для подобного чиновника. О прежней судьбе поместья свидетельствует и царящая на всей центральной усадьбе печать запустения. Многие постройки полуразрушены, инвентарь ничтожен, запасы посевного зерна для «хозяйского домена» мизерны, сад запущен, рабы умерли.

Мы полагаем, что здесь возможны две гипотезы, одинаково вероятные: 1) либо это имение принадлежало некогда видному частному лицу, собственность которого как государственного преступника была конфискована, стала царским эпискеписисом, а затем передана в секрет богоугодных заведений; 2) либо эти земли никогда не были частной собственностью, дворец же был выстроен для видного правительственного лица, управлявшего обширным комплексом императорских поместий, постепенно пришедших в упадок после передачи их упомянутому секрету.

Имение лежало в плодородной долине во Фракисийской феме, близ Милета. Тем не менее множество крестьян в нем были крайне бедны, уровень же эксплуатации, видимо, был весьма высок.

⁹² *Attal.*, p. 61, 6—17; Εὐδ. Τσολάκη. Ἡ συνέχεια τῆς χρονολογίας τοῦ Ἰωάννου Σχολίτη. Θεσσαλονίκη, 1968 σελ. 104. 6—17.

⁹³ *Actes de l'Athos*, I. *Actes de Xénophon*, publ. par L. Petit. — ВВ, X, 1903, p. 25, 214—216.

⁹⁴ ММ, VI, p. 4.

⁹⁵ ММ, VI, p. 15. Церковные каноны запрещали духовным лицам, соблазняясь малой синифией, играть роль прокураторов частных поместий, но разрешали эту роль в царских имениях, если того хотел император (РГ, t. 138, col. 89A — B).

Этот акт десятки раз оказывался в центре внимания исследователей, неизменно отмечавших, что в крестьянских платежах здесь не наблюдается существенных отличий от платежей свободных крестьян, но что в акте странным образом нигде не упомянуты размеры земельных держаний крестьян как важнейший фактор налогообложения⁹⁶.

Что касается первого заключения, то справедливость его еще предстоит проверить; второе же обстоятельство нам ничуть не представляется странным; точно так же ни в одном из других актов мы не находим указаний на размеры крестьянских участков и держаний. Причина этого состояла, по нашему мнению, в том, что сама имущественная классификация крестьян (зевгарат, воидат, апор) включала указание и на размеры их держания. О том, как различались государственные и императорские поместья в X—XI вв. (и в юридическом, и в хозяйственном отношении), мы к сожалению, осведомлены крайне слабо, несмотря на то, что А. П. Каждан собрал на этот счет почти весь наличный материал. Никаких данных, которые подтвердили бы вероятную гипотезу М. Я. Сюзюмова о том, что императорские поместья — это организованные хозяйства, а государственные земли — просто пустоши, мы не обнаружили.

О формах эксплуатации государственных земель нам известно крайне мало. Если судить по акту 1073 г., какая-то часть государственных поместий отводилась под домениальную запашку и, помимо денежных сборов с крестьян, давала натуральный доход: для посева были предназначены 260 модиев пшеницы, 150 модиев ячменя, 5 модиев бобов и 5 модиев льняного семени⁹⁷. Согласно геометрическому трактату XIII в., на модий площади в Византии (на добрых землях) высевали 2 сыпучих модия⁹⁸, т. е. 410 модиями (260 + 150) засеяли бы 205 модиев земли (около 20 га)⁹⁹.

Из письма патриарха Николая I Мистика (901—907 и 912—925) известно, что клир св. Софии снабжался пшеницей из владений Великой церкви — пересылали ее в Константинополь прокураторы церковных владений¹⁰⁰. Прокуратор владений богоугодных заведений Востока не получал натурального довольствия: в акте четко определено, что ему «в качестве анноны» выдается одна номисма «вместо 12 модиев пшеницы»¹⁰¹. Следовательно, указанный в акте запас зерна на питание: 124 модия пшеницы, 60 модиев ячменя и 8 модиев льняного семени — был предназначен не для чиновников-управителей, а для работников-париков, проживавших в специальном помещении при центральной усадьбе¹⁰². На упомянутом зерне могли бы прожить 6—8 человек в течение года, т. е. столько работников, сколько действительно могло справиться с возделыванием домена в 20 га.

Остальное зерно, полученное при сборе урожая с этих 20 га, было, несомненно, отправлено в пункты, удобные секрету благочестивых заведений (при урожае сам-6 это составило бы до 2,5 тыс. модиев)¹⁰³.

⁹⁶ См., например: П. Безобразов. Патмосская писцовая книга. — ВВ, VII, 1900, стр. 75, 85 сл.

⁹⁷ ММ, VI, р. 6.

⁹⁸ Ф. И. Успенский. Византийские землемеры. — «Труды VI Археологического съезда», II. Одесса, 1888, стр. 298.

⁹⁹ П. Безобразов подчеркивает, что почвы в районе Милета были плодородными, но считает (в противоречии с упомянутым геометрическим трактатом), что один модий высевали на один модий земли, отводя, таким образом, под домениальную запашку 420 модиев. Этот ученый полагает, что названный в акте совокупный доход — 307 номисм — не весь доход имения, определяемый им примерно в 830—750 номисм (П. Безобразов. Патмосская писцовая книга, стр. 105—106).

¹⁰⁰ V. Grumel. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople, I. 2, Constantinople, 1936, № 772.

¹⁰¹ ММ, VI, р. 15.

¹⁰² Ibid., р. 6.

¹⁰³ Урожай в таком случае при пересчете на наши меры составил бы примерно 50 пудов с гектара.

Еще бóльшую площадь (около 600 модиев) управители имения сдавали в аренду соседнему монастырю и соседним крестьянам ¹⁰⁴.

Специфической формой организации государственных поместий были, конечно, конные заводы, все хозяйство которых подчинялось этой главной цели и требовало, несомненно, значительного числа работников-париков, не занятых ведением собственного самостоятельного полноценного хозяйства. В частности, кони разводились и в передаваемом Андронику Дуке имении. Отдавая все Андронику, царь оговаривает, что не передаются только кони ¹⁰⁵. Подобной же особой формой была, например, эксплуатация владений некоторых прибрежных сел, подчиненных распорядителю императорского стола (*ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης*) — они поставляли для дворца рыбу ¹⁰⁶. Великая церковь, например, имела владения, главной обязанностью которых была поставка капусты ¹⁰⁷.

Что касается прочих правительственных учреждений и богоугодных заведений (странноприимных домов, больниц, сиротских приютов, богоделен, домов призрения престарелых и т. п.), то их хозяйства на государственной земле, по-видимому, мало отличались от того имения, которое было передано Андронику Дуке. В основе его лежал зависимый крестьянский двор, обязанный уплатой денежных платежей и, видимо, натуральных поставок, часть земли обрабатывалась как доменная трудом зависимых дворовых париков, часть сдавалась в аренду.

А. П. Каждан, говоря о функциях правительственного чиновника, управлявшего императорскими поместьями и носившего наименование *ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν*, приводит любопытную надпись на одной из сохранившихся печатей этого должностного лица по имени Ставракия: *Δός, χόρις, ἀνώγη[ν]*, т. е. «Дай, господи, аннону! Нам представляется удачной догадка А. П. Каждана, что одной из главных функций этого чиновника был сбор натуральных поставок — анноны. Автор считает, что этой догадке противоречит факт определения Ставракия в легенде печати не только как *ὁ ἐπὶ τῶν οἰκειακῶν*, но и как *ὁ ἐπὶ τῶν βαρβάρων* ¹⁰⁸. Но, на наш взгляд, вполне логично предположить, что Ставракий действовал как управитель императорских имений на завоеванной территории с иноплеменным населением («варварами»), — в таком случае оба определения легенды печати не противоречили бы, а дополняли друг друга.

Такую в сущности аннону поставляли присоединенные при Василии II грузинские земли (*χωρῶν*) в качестве опсония (натурального довольствия) для войск, формируемых здесь для обороны фемы Йвирия от турок-сельджуков. Константин IX Мономах «отнял» эти «государственные земли» у войска (*δημοσίων χωρῶν, ἀφείλετο ταῦτας*) ¹⁰⁹, заставив их вносить подати в казну и лишив тем самым область защиты ¹¹⁰.

Не может быть, по нашему мнению, в данном случае никаких сомнений, что завоеванные земли (или их часть? — ср. стр. 62) стали землями короны. Вряд ли, однако, здесь имелись какие-либо хозяйства, подобные имению Варис: государственные парики вносили продукты в счет налогов на содержание войска.

Мы считаем, что именно эти земли казна и имела право отдавать в пожалования, в дар, награду и в обмен на частновладельческие земли. Об обмене частных владений на земли казны неоднократно сказано в типике

¹⁰⁴ ММ, VI, p. 6, 7, 12, 15.

¹⁰⁵ Ibid., p. 5.

¹⁰⁶ *Const. Porphy.*, De cerim., p. 488. 18.

¹⁰⁷ *V. Grumel. Les registes ...*, № 782.

¹⁰⁸ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 136—137.

¹⁰⁹ *Attal.*, p. 44. 19—22.

¹¹⁰ *Cedr.*, II, p. 608. 20—23; ср.: «Советы и рассказы Некавмена. Сочинение византийского полководца XI века». Подготовка текста, введение, перевод и комментарий Г. Г. Литаврина. М., 1972, стр. 152.28—154. 1, 376.

Бакуриани¹¹¹, в актах Лавры¹¹², в хронике Скилицы¹¹³ и у восточных авторов-современников¹¹⁴, в письмах Феофилакта¹¹⁵. Во всех этих случаях нельзя, по нашему мнению, усматривать передачи частным лицам земель со свободными крестьянами — отдавались территории с государственными париками, статус которых как не собственников, а держателей своих участков признавался идентичным статусу частновладельческих париков¹¹⁶.

И это — не только юридическая теория, которая, как бывало с правовыми доктринами в империи, могла не иметь практического значения, а повседневная практика. Как частновладельческий парик не мог продать свое держание лицу, которое отказалось бы от парических обязанностей, так и государственный крестьянин мог отчуждать свой участок лишь с согласия господина. «Пира» фиксирует случай, когда земля одного из благочестивых учреждений оказалась сданной в длительную аренду без разрешения сакеллы, т. е. ведомства, которому были подчинены управляющие землей чиновники. Евстафий Ромей определил, что земля должна быть возвращена законному владельцу независимо от того, сколько с тех пор прошло времени (срок давности в данном случае не мог узаконить сделку)¹¹⁷.

Даже войны, поселенные на государственной земле, обозначались иногда термином, обычным для частновладельческого крестьянства, — проскафимены¹¹⁸. А в акте Лавры от 1104 г. об обмене земли монастыря на государственную (императорскую) землю государственный парик выступает как ценность, равнозначная мельнице или пустующему участку¹¹⁹.

Конечно, случаи самовольного овладения государственной землей были. Такой случай мы усматриваем в акте от 1023 г. из Южной Италии, в котором сообщается, что около 40 лет назад умерший монах Иона раскорчевал и расчистил некое место, а затем передал его монастырю. Затем, на рубеже XI—XII вв. игумен Косьма, собрав пришельцев и бедняков, основал на этом месте деревню. Когда некие соседи возбудили дело против монастыря, пытаясь отнять у него землю, катепан Италии признал права монахов законными¹²⁰. Т. е. признал именно тот катепан, которого назначил Василий II, воспрепятствовавший самовольное овладение землями казны и бесконтрольное поселение на частных землях неимущих крестьян в качестве свободных от налогов париков.

Однако случаи такого рода не означали нарушения существовавшей системы: государственные (императорские) земли независимо от того, в какой форме они подвергались эксплуатации, независимо от того, подвергались ли они эксплуатации или лежали втуне, резко отличались от частновладельческих. Но среди самих частновладельческих земель существовали две категории, одна из которых (земли крупных собственников, эксплуатировавших труд зависимых людей) по своей социальной сущности, как мы полагаем, была ближе к государственным землям, чем ко второй категории частновладельческих земель (земли крестьян свободных).

Социально-общественный и юридический статус частновладельческих и государственнозависимых париков был почти идентичен: они не являлись

¹¹¹ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschischvili. Thbilisii, 1963, p. 28.11.

¹¹² K. Lake. Early Days of Monasticism in Mount Athos. Oxford, 1969, p. 103.

¹¹³ Cedr..., II, 464, 11—16.

¹¹⁴ См. В. А. Арутюнова. Византийские правители Эдессы в XI в. — ВВ, 34, 1973.

¹¹⁵ См. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия..., стр. 86—87.

¹¹⁶ Почти так формулирует свой вывод и Г. Острогорский (*Ostrogorskij*. Quelques problèmes..., p. 24), понимая, однако, под государственными париками вообще всех крестьян, не принадлежащих частным лицам.

¹¹⁷ Jus, I, XV, 9, p. 44—45.

¹¹⁸ А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей... Топтма, I, Киев, 1895, стр. 695.

¹¹⁹ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия, стр. 171—172.

¹²⁰ А. Guillou, W. Holzmann. Zwei Katepanenurkunden aus Tricarico... «Quellen und Forschungen...», XLI. Tübingen, 1961, S. 27.

собственниками своих участков со всеми вытекающими отсюда последствиями. Определяя эту зависимость как феодальную для первых, мы признаем ее по существу такой же и для вторых, но никак не для свободных налогоплательщиков казны. Но при такого рода заключении возникает как будто проблема новой датировки этапов феодализации. Если отказ от выводов А. П. Каждана и Г. А. Острогорского вел к опасности «запоздать» с определением эпохи утверждения феодальных отношений, то не ведет ли наш вывод, напротив, к перенесению этого рубежа в слишком ранний период. Ведь и парики, и императорские земли, на которых были основаны подчиненные короне монастыри, упоминаются уже в самом начале IX в.¹²¹

Нам представляется, что наши выводы не ведут к серьезным теоретическим затруднениям. Основным критерием периодизации по-прежнему останутся этапы вызревания феодального поместья, так как оно определяло и представляло главную тенденцию, генеральный путь эволюции аграрных отношений в империи. Формы эксплуатации государственных владений уподоблялись формам эксплуатации частных землевладельческих хозяйств, феодализируясь не ранее имений магнатов, а вслед за феодализацией этих имений. Это тем более понятно, что фонд государственных земель в течение IX—XI вв. почти непрерывно был источником формирования крупных частных поместий.

Прежде чем ответить на вопрос о том, каков был главный источник формирования феодального землевладения, мы должны дать оценку правительственным мероприятиям императоров Македонской династии, в течение столетия пытавшихся помешать процессу поглощения крестьянской собственности крупным землевладением.

Как известно, дореволюционные русские историки, как и многие современные за рубежом, делали выводы о некоей внеклассовой защите государством мелкого крестьянского землевладения. А. П. Каждан дал очерк развития этой проблемы в литературе, показав, что полное и обоснованное переосмысление вопроса было осуществлено лишь в марксистской историографии: меры правительства преследовали цели сохранения контингента крестьян для их централизованной эксплуатации господствующей группировкой феодализирующейся аристократии через государственный аппарат¹²². По мнению А. П. Каждана, эти меры не столько препятствовали развитию феодализации, сколько ей способствовали¹²³.

Возражения в ответ на эту идею были высказаны как в зарубежной, так и в советской литературе. Н. Зворонос разделяет мнение историков-марксистов о целях законодательства императоров Македонской династии, но он считает, что они были гораздо более широкими, что императоры сознавали угрозу всей государственной структуре со стороны крупных собственников, и хотя эффективность законодательства «оставалась, очевидно, весьма ограниченной», эти меры сыграли свою роль. Они не были оставлены совсем, как полагает А. П. Каждан, после смерти Василия II, а продолжали применяться и в середине и в третьей четверти XI столетия. При этом Н. Зворонос вполне основательно ссылается на «Пиру», не оставляющую на этот счет никаких сомнений, на «Синописис законов» Михаила Пселла и на схолии XI в. к «Василикам»¹²⁴.

М. Я. Сюзюмов также полагает, что мероприятия императоров Македонской династии сыграли сдерживающую роль в истории развития крупного землевладения в империи. Обращаясь к А. П. Каждану, М. Я. Сюзюмов спрашивает: «Неужели феодалам-динатам после запрета скупать у крестьян земли стало легче укреплять крупное феодальное землевла-

¹²¹ *Theoph.*, p. 486, 30. См. об этом: А. П. Каждан. Деревня и город., стр. 94.

¹²² Там же, стр. 174—175.

¹²³ Там же, стр. 188.

¹²⁴ *N. Svoronos. Société.*, p. 376—379.

дение? Неужели феодальные отношения усилились в результате того, что многим бедным крестьянам возвращена была земля бесплатно, как это явствует из новелл? Мы полагаем, что из того факта, что государство — орудие класса эксплуататоров, вовсе не следует отрицать отдельные попытки маневрирования со стороны византийской автократии». Конечно, продолжает М. Я. Сюзюмов, эти законы не могли остановить процесса, хотя бы потому, что богатая прослойка в общинах получила возможность законно, через право протимисиса, создавать крупные поместья¹²⁵.

Мы не можем не присоединиться к этому мнению: и сами новеллы, и «Пира» содержат немало примеров разрушения феодальных имений, созданных в обход законодательства. Оно не остановило, но затормозило процесс феодализации. Другой вопрос — сколь прогрессивно оно было или сыграло ли вообще прогрессивную роль.

Мы считаем неоправданной тенденцию в византиноведении свести весь ход феодализационного процесса в Византии в основном к разложению общины, к утверждению идеи о решительном преобладании пути эволюции «снизу» как наиболее естественном исторически и экономически закономерном и т. д. Эту идею никто, кроме М. Я. Сюзюмова, не ставил под сомнение, хотя для Византии она никогда и никем не была доказана на материале источников, как и всякая идея, претендующая на установление «преобладания» каких-либо исторических феноменов над другими путем спекуляций при крайне ограниченном фактическом материале.

Помимо чисто теоретических (весьма и весьма общих) соображений, основным доводом в пользу этой теории является в сущности *argumentum ex silentio*: в официальных византийских документах фиксируются по преимуществу отношения государства с частными лицами, а не отношения между частными лицами. Поэтому от нашего внимания ускользает главный процесс — процесс создания собственности одного лица за счет собственности рядом находящихся многих лиц (имущественная дифференциация, разложение общины). Мы ничуть не против этой идеи как позиции (она достаточно проверена на материале средневековых стран Западной Европы), но мы против нее как антиципации одного и того же вывода при любых условиях, в любую эпоху и в любой стране. Если мы выстроим в две колонки факты обоего рода: свидетельства об имущественной поляризации внутри общины и данные об обретении земель и доходов за счет ее в целом или от щедрости государя, то мы получим право скорее на противоположный, но столь же сомнительный вывод.

А. П. Каждан осуществил колоссальный труд по изучению путей формирования господствующего класса Византии в X—XII вв. Он с не оставляющей сомнений убедительностью показал, что так называемая «вертикальная подвижность» социальных сил была одним из основных факторов имперской системы и ее живучести: господствующие слои, даже близкие к трону самодержца, абсорбировали без особых препятствий множество удачливых лиц самого низкого происхождения¹²⁶.

Однако в приведенном А. П. Кажданом материале имеется одна, на наш взгляд, чрезвычайно важная и не прокомментированная автором деталь: среди многочисленных случаев создания феодальных родов их «основателями»-простолюдинами насчитываются буквально единицы, когда богатство простолюдина предшествовало его успехам на имперской службе. В подавляющем большинстве случаев зависимость была обратной: от первых успехов на службе — к постепенному созданию богатства.

¹²⁵ М. Я. Сюзюмов. Рец. на: А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 215—216.

¹²⁶ А. П. Каждан. Состав господствующего класса Византии в X—XII вв. (в печати); см. *его же*. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI—XII вв. Предварительные выводы. — ВЗ, 66, 1973, S. 47—60.

В другом месте мы надеемся показать, сколь различны были условия жизни и деятельности индивидов и классов на феодальном Западе и в Византии с ее самодержавным строем. Теперь общепризнанно, но недостаточно оценено, что в пресловутых новеллах императоров Македонской династии как «динаты» определены не только действительно богатые люди, а даже схолярии — низшие воинские чины и практоры — низшие налоговые чиновники¹²⁷; состояние их вряд ли превышало состояние полнонадельного крестьянина-зевгарата (50 номисм), но они обладали властью над зевгаратом — в этом была их сила.

Мы не ставим под сомнение вывод, что основным путем феодализации был путь экспроприации мелкой крестьянской собственности. Но мы скажем бы, что это был путь не через расслоение и разрушение общины, а через ее оскудение и закабаление. Государство препятствовало проникновению динатов в общину, мешало росту их внутри общины, но оно само лишало общины их земель, конфискуя заброшенные земли в качестве класм и создавая рядом со свободными деревнями, теряющими общинные земли и часть фонда, находившегося в личной собственности ее членов, динатские частные поместья и свои государственные имения, мало от частновладельческих отличавшиеся. Кольцо создаваемых казной идиостата — частновладельческих имений — сжимало общину все туже, пока не абсорбирывало ее целиком. Ее жители превращались в неимущих и «неплатежных», превращение которых в частновладельческих париков регулировалось, но не возбранялось законом. Закон, в частности, разрешал продавать или принуждать к продаже земли должников, особенно должников казны. И срок при этом был тем меньше, чем беднее был должник, так как он мог израсходовать на себя свое последнее имущество¹²⁸.

Так, «закрывая дверь» феодализации, даже самые суровые из императоров — «гонителей» динатов — широко открывали ей «окно».

Остановимся коротко на переходной форме собственности между государственной и частной, которую французская исследовательница Э. Гликаци-Арвейлер, давшая обзор ее эволюции, определила как «уступку невестных прав» или «условные дарения»¹²⁹.

Еще в 1948 г. Г. А. Острогорский писал, что земельное пожалование в Византии «означало не только и не столько перенесение владельческих прав, сколько перенесение с государства на феодала права на получение с жалуемых земель сеньориальной ренты»¹³⁰. Возвращаясь к сказанному выше, мы целиком разделяем этот вывод применительно к раздаче государством в дар или обусловленное службой держание казенной (императорской) земли. Путь эволюции, как показал Г. Острогорский, в целом состоял при этом в переходе от «невестных прав» к правам на землю, а от них — к условной собственности на нее. Основной спор вызвала не эта констатация, а то, что Г. Острогорский обозначил ее как путь эволюции пронии. А. П. Каждан считал, что прония — это посотис или солемний (количество дохода), дарованный во временное пользование — неважно с чего, а как земельное пожалование прония неизвестна до второй половины XII в.¹³¹ М. Я. Сюзюмов полагал, что прония создавалась разными путями, а не только из передачи прав на сбор дохода; но передачей

¹²⁷ Jus, III, p. 263.

¹²⁸ Jus, I, XV, 16; XVII, 11; XXVI, 27; LVIII, 1.

¹²⁹ H. Glykatzki-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles.— «Actes du XIIe Congrès d'études byzantines. Ochrid, 1961, II. Beograd, 1964, p. 108—114.

¹³⁰ Г. Острогорский. Византийские писцовые книги, стр. 234.

¹³¹ А. П. Каждан. Рец. на указ. соч. Г. Острогорского, стр. 228; *его же*. К вопросу об особенностях феодальной собственности..., стр. 226.

же земли она стала лишь при Мануиле I (1143—1180)¹³². К. В. Хвостова¹³³, как и мы в свое время¹³⁴, поддерживала в основном мнение Г. Острогорского, который недавно вновь отстаивал свои прежние взгляды¹³⁵. Э. Гликаци-Арвейлер определила пронию как дарение доходов с любого имущества, равнозначное дарению париков или ренты¹³⁶.

Ныне мы имеем, кажется, право сказать, что споры вокруг самого термина для XI в. должны быть оставлены, так как мы располагаем теперь четким юридическим определением этого понятия, зафиксированным во фрагменте «Трактата о налогообложении» от X—XI вв., опубликованном недавно И. Караяннопулосом.

Под заголовком: *Τίνα εἰσὶ τὰ προνομιακά* («Что значит прониатские») — там сказано: *Τὰ ἐφ' ὅρω τῆς τοῦ ἀνθρώπου ζωῆς δωροδόμενα παρὰ τοῦ βασιλέως* [«Это] дарованные василевсом на срок жизни человека)¹³⁷. Следовательно, это слишком широкое понятие, чтобы на первых этапах его развития, по крайней мере до Комнинов (1081 г.), мы смогли точно определить его значение. Оно обнимает и солемнии всякого рода, если они ограничены во времени (на одного человека), и харистики, и василикаты (обычно выдавались на срок жизни человека).

Но вместе с тем приведенная формулировка позволяет из суммы приведенных выше взглядов отобрать (применительно уже к XI в.) ряд мнений, вполне оправдавшихся. Такими выводами мы считаем: прония — пожизненное условное дарение и доходов, и самой земли уже в XI столетии, причем и при условии управления и военной обороны крепостей (Михаил Дука в 1078 г. определял, что крепости предоставляются как дар ἐφ' ἐνὶ πρόσωπῳ — «на одно лицо»¹³⁸. (Г. А. Острогорский); прония — временный солемний и харистикий, но как дарение париков или ренты она может выступать лишь на государственных землях и в поместьях крупных собственников (А. П. Каждан, Э. Гликаци-Арвейлер).

Для наших целей в данном случае важно другое — констатировать, что солемнии и пронии уже в X—XI вв. жаловались как точно фиксированная сумма налоговой квоты или как доход с точно фиксированной территории или доходного объекта, независимо от того, государственная или частновладельческая это была собственность. Доход при этом понимался как вся масса или — чаще — часть установленных ранее для казны платежей.

Иными словами, солемнии и пронии (в виде налоговых пожалований) уже в XI в. распространялись на свободных налогоплательщиков государства и служили, таким образом, мостом, сближающим (чем далее, тем все более тесно) принципиально различные понятия собственности императорской и частной.

Э. Гликаци-Арвейлер повторяет как новый давно сделанный в марксистской историографии вывод¹³⁹, что сбор налогов со свободных крестьян частным лицом неизбежно вел к усилению частнопровых отношений в ущерб публичноправовым, так как частное лицо было вынуждено волею обстоятельств заменить государственных чиновников на этой территории лично подчиненным ему персоналом, исполнявшим те же функции¹⁴⁰.

¹³² М. Я. Сюзюмов. Внутренняя политика Андроника Комнина, стр. 60; *его же*. Некоторые проблемы истории Византии, стр. 116.

¹³³ К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений..., стр. 207 сл.

¹³⁴ Г. Г. Лутагрин. Болгария и Византия. . . , стр. 144—158.

¹³⁵ G. Ostrogorsky. Die Pronoia unter den Komnenen.— ЗРВИ, 12, 1970, стр. 41—54.

¹³⁶ Н. Glykatz-Ahrweiler. La concession. . . , р. 108, 110—111.

¹³⁷ J. Karayannopoulos. Fragmente. . . , S. 322. 56—57.

¹³⁸ Jus, III, р. 230.

¹³⁹ См., например: Г. Г. Лутагрин. Болгария и Византия. . . , стр. 224—231; *его же*. Рец. на: Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения... — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 263—264.

¹⁴⁰ Н. Glykatz-Ahrweiler. La concession. . . , р. 110, sq.

В доказательство тенденции к превращению в париков тех свободных налогоплательщиков, которые должны были впредь платить налоги частному лицу, сотни раз ссылались на знаменитую петицию монахов Лавры, испугавшихся, не стали ли они париками брата императора Алексея I Адриана, которому была дана привилегия взимать в свою пользу налоги с полуострова Касандра, где лежали владения Лавры¹⁴¹. Э. Гликаци-Арвейлер полагает, что испуг монахов — доказательство того, что пожалование налогов с правом получившего льготу собирать их своими средствами — недавнее явление¹⁴². Мы считаем, что дело обстоит как раз наоборот: практика уже показала, что сбор частным лицом налога ведет к парикии свободных ранее поселян. Отсюда — испуг монахов. В самом деле, о виде солемния, когда, например, само благочестивое учреждение, получившее пожалование, «вместо диикита» (*ἀντὶ τοῦ διοικήτου*) собирало подати «с неких не подвластных ему деревень» (*χωρίων τινῶν μὴ ὑποκειμένων τῷ αὐτῷ*), сообщается уже в «Податном уставе»¹⁴³.

В связи со всем сказанным мы можем теперь иначе истолковать известие Никиты Хониата о широком недовольстве при Мануиле I раздачей проний¹⁴⁴. Оно было вызвано не тем, что этот император перестал делать какое-либо различие между государственными и патримониальными землями, а тем, что он перестал в своих пожалованиях отличать деревни государственных париков, сидевших на казенной земле, от земель свободных налогоплательщиков. Раздача в пронию свободных, подчиненных отныне господину пронии, означала уподобление их государственным парикам, что было равноценно частнофеодальной парикии.

Таким образом, путь, кратко намеченный Г. Острогорским: от пожалования налогов — к правам на землю, а от прав на землю — к условному феодальному землевладению — занял всего около столетия, а еще через полстолетия прония превращается в наследственную, сливаясь нередко с гониконом (родовым владением), тогда как остатки государственных земель стали истинно царскими поместьями, имевшими тенденцию к распадению на семейные апажи — княжества.

Итак, отвечая на первый вопрос — об источниках формирования феодальных вотчин — мы, видимо, можем сделать вывод, что устоявшийся взгляд на возникновение крупных владений преимущественно в результате имущественной дифференциации крестьянской общины и вызревания феодальных элементов в самих ее недрах нуждается в уточнении. В Византии, где государственная власть в X—XI вв. была сильна и всемогуща (по сравнению со странами Западной Европы), ее роль как орудия классового господства в развитии византийского феодализма проявилась главным образом не в том, что она создала систему государственного «крепостничества» для реализации «коллективной феодальной собственности» в форме «централизованной ренты-налога», а в пожалованиях частным лицам фонда государственных земель, в конфискации запустевших участков общинников, в укреплении над свободными крестьянами власти частных лиц через передачу им прав на сбор налогов с сельских округов и бесконтрольное ими управление.

В значительной мере благодаря трудам Г. А. Острогорского и А. П. Каждана мы можем теперь, видимо, отказаться и от того вывода, который вытекал из их концепции: на огромных пространствах «государственной земли» общинники-крестьяне, даже стратиготы, в том числе катафракты, которых А. П. Каждан первым назвал мелкими вотчинниками и «рыцарями западного типа», закрепощены, а в феодальных поместьях

¹⁴¹ Lavra, N 39.

¹⁴² Ibid., p. 109.

¹⁴³ F. Dölger. Beiträge., S. 117, 42—118.3.

¹⁴⁴ Nic. Chon., p. 272—273.

зависимые парики, исчисляемые едва тремя—шестью десятками, пользуются правом свободного перехода.

Роль государства в экспроприации самими феодалами крестьянской земли не может более, на наш взгляд, трактоваться в прямом противоречии со смыслом новелл императоров Македонской династии. Центральная власть в данном случае выступала как тормоз феодализации — в том числе и по отношению к процессу распада общинного землевладения. Совсем другой вопрос — насколько эта политика была удачной и являлась ли она прогрессивной.

Признавая огромное значение пути феодализации «снизу», мы, тем не менее, не можем признать за ним решающую роль в условиях византийской государственности по сравнению с феодализацией «сверху» (в только что уточненном смысле).

Итак, в X—XI вв. государственная (и царская) собственность еще весьма строго отличалась от частной и общинной (корпоративной) и охватывала лишь те земли, которые лежали за пределами частновладельческого сектора; внутри этой собственности казны намечилось развитие иерархии, возникла тенденция к утверждению права собственности государства и на земли мелких налогоплательщиков, но более отчетливые формы эти явления приобрели лишь в XII столетии.